

УДК 82

СУБЪЕКТНАЯ СФЕРА ПЬЕСЫ Л. АНДРЕЕВА «АНФИСА»

© Пятунина М.Р., Тютелова Л.Г.

Самарский национальный исследовательский университет
имени академика С.П. Королева, г. Самара, Российская Федерация

e-mail: marirost.post@yandex.ru

Тема работы посвящена субъектной сфере русской «новой драмы». Актуальность изучения обусловлена, во-первых, отсутствием большого количества работ о субъектной сфере драматургии XX века и в целом исследований субъектной сферы в драмах Л. Андреева, а также желанием обратить внимание на драматургию Л. Андреева в целом.

Поставленные цель и задачи определили исследовательскую методологию работы: метод исторической поэтики. Также методически значимыми оказались работы Л.Г. Тютеловой, Г.Н. Боевой, О.В. Журчевой, Е.А. Лахно [1–3] и др. В качестве материала избрана пьеса Л. Андреева «Анфиса».

Л. Андреев имел свою концепцию преодоления кризиса театра. Он выразил ее в «Письмах о театре». В них намечено разграничение на условный театр и театр «панпсихе». «Анфиса» интересна с той точки зрения, что она является переходным явлением.

В центре внимания «Анфисы» бытовой конфликт – семейная драма. Однако бытовые отношения героев не столь важны, основной конфликт – переживание внутренних противоречий главных героев. Наиболее яркое его проявление представлено в четвертом действии в диалоге, когда персонажи перечисляют характерные друг для друга черты и заканчивают свой диалог вопросами: «Кто ты, Анфиса? // Кто вы, Федор Иванович?». Так обозначается проблема непонимания «другого», в качестве которого у Андреева выступает и «я» самого героя: «Вчера ведь я кричала, да? <...> Но это кричал кто-то другой, а я – молчала». Анфиса ощущает в себе борьбу «я» и «другого», осознает эту борьбу, однако не имеет способов ее преодоления.

Л. Андреев ярче всего строит образ автора-«соглядатая» с помощью ремарок, которые можно разделить по функции на три группы. В ремарках *присутствия* высказывается какое-либо наблюдение или догадки о персонажах и происходящих событиях, но, кем точно сделано замечание, не указывается: «В комнатах очень светло и как будто весело». Ремарки *монтажа* носят описательный характер. В них внимание реципиента сконцентрировано на отдельных деталях, персонажа видит «другой»: «Поставив бутылку, Анфиса подходит к лампе и внимательно рассматривает перстень, приоткрывает его, вглядывается очень сосредоточенно и закрывает...». Ремарки *описания* имеют в себе характеристику текущего состояния персонажей: «Та притворяется, что не слышит, идет». Автор-«соглядатай» знает о героях больше, чем они сами, создает у реципиента ощущение субъективного присутствия и управляет его взглядом. Реплики же героев содержат больше информации о внутреннем состоянии главной героини, чем позволяют узнать ремарки и сама героиня. Некоторые слова как в ремарках, так и в репликах вызывают дискуссию в сознании реципиента. Персонажи влияют на понимание сюжета и главных образов.

Иногда между героями и ремарочным субъектом как будто возникает полемика: «соглядатай» перед началом развития сцены замечает, что Александра Павловна красива, однако на вопрос, кто в большей степени, Татаринов отвечает, что это Анфиса. Александра Павловна удивлена, так как своей жене Федор Иванович говорит, что

красива она. Именно в воображении читателя эта полемика и формируется. Наконец, герои сравнивают Анфису с другими субъектами, чем раскрывают ее образ с новых сторон («жучка», «Шарлотта Корде»). Подобные намеки встречаются на протяжении всего текста. Так, даже второстепенные персонажи что-то предчувствуют, только не могут это ощущение осознать. Автор-«соглядатай» осведомлен о финале, что понятно из ремарок. Возникает ощущение: единственный персонаж, который не знает точного финала, – заглавная героиня.

Скажем подробнее об образе бабушки. Этот персонаж мало говорит, однако его присутствие ощущается на протяжении всего драматического действия, даже там, где о нем даже нет упоминания (например, во втором действии). У бабушки есть характерные атрибуты – кресло и чулок, который она постоянно вяжет, словно не может быть без них. Более того, в первом действии автор описывает ее комнату, отгороженную от остального, бытового мира. Бабушка и характерное для нее пространство находятся вне того пространства и времени, в котором проходит жизнь других персонажей. Может, в этом и кроется причина, по которой сомневается в подлинности чулка Федор Иванович: они – в разных времени и пространстве. Для него в целом характерно наделять бабушку мистическими чертами: он подозревает ее в убийстве мужа, брата его деда, который умер «слишком рано», не позволяет ей долго оставаться одной за столом вместе с незанятыми стульями, потому что ему кажется, что на них может сесть «черт знает кто». Ремарочному субъекту тоже «на мгновение кажется», что с ней за столом сидят люди, когда-то знавшие ее. Вновь в сознании реципиента складывается завершенная картина, ведь это чувство доступно только бабушке, Федору Ивановичу, ремарочному субъекту и самому читателю.

Наделяя бабушку демоническими чертами, Костомаров оказывается прав. В начале четвертого действия Федор Иванович говорит Анфисе, что запер бабушку на ключ, однако в конце того же действия она без удивления приходит в комнату с убитым и спокойно спрашивает о яде. Каким образом она вышла из той комнаты? Вопрос остается без ответа.

Почему бабушке доступно будущее? Почему для нее уже «все сделано»? Бабушка и Анфиса – как бы одно лицо, только раздвоенное, отражения друг друга на разных этапах жизни. Автор с помощью образа бабушки оставляет нам достаточно подсказок, чем драма завершится. Мир оказывается циклическим, по крайней мере, в рамках одной семьи, имеет множество недоговоренностей между людьми, конфликтов и тайн. Таким выстроен художественный мир «Анфисы».

Таким образом, с помощью анализа составляющих субъектной сферы «Анфисы» выявлено, что реплики и ремарки ориентированы на третий субъект эстетической коммуникации – на реципиента, в сознании которого действительно складывается целостность происходящих в драме событий, более выраженным становится мировосприятие персонажей.

Библиографический список

1. Боева Г.Н. Драматургические новации С. Пшибышевского и Л. Андреева: рецептивный аспект // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. 2015. Т. 1, № 3 (3). С. 69–73.
2. Лахно Е.А. Драматургия Л. Андреева в интерпретации исследователей конца XX – начала XXI века // Вестник Челябинского государственного университета. 2014. № 16 (345). С. 66–68.
3. Тютелова Л.Г. Поэтика пространства русской «новой драмы» начала XX века: Чехов, Горький, Андреев // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2010. Т. 12, № 5 (3). С. 812–817.